

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ УНИВЕРСУМ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Статья опубликована в журнале: «Гілея», 2015. – Вып. 103 (12). – С.286-292.

*Из катастроф люди никогда не выходили ценой одних только экономических мероприятий. Здесь необходимо возвышение духа, пробуждение предельных антропологических основ деятельности, творческий пафос большой культуры.
С.Б.Крымский [7, с. 36]*

В статье выдвигается предположение о том, что «универсум» - это одна из категорий, требующая в настоящий момент пристального внимания. В тексте соотносятся две концепции, в которых универсум рассматривается как ключевое понятие. Первая концепция создана европейскими исследователями П.Бергером и Т.Лукманом и связана с изучением деятельности человека в процессах конструирования символического универсума. Вторая концепция – концепция С.Б.Крымского о ценностно-смысловом универсуме. Формулируется вывод о том, что универсумная актуализация человека возникает как итог его индивидуальной и, одновременно, коллективной эпистемологической и моральной деятельности. Этот факт должен учитываться при формировании образовательных стратегий.

Ключевые термины: социальная атомизация, символический универсум, легитимация, ценностно-смысловой универсум человека, мир, универсум

Value-semantic and symbolic universe in focus of the modern educational strategies

L.Bogataya

The assumption that "the universe" - is one of the categories currently requires attention is put forward in the article. The text of the two concepts are related, that the universe is seen as a key concept. The first conception was created by European researchers P.Berger and T. Lukman and connected with the study of human activity in the process of constructing the symbolic universe. The second conception - the conception of value- semantic universe by S.Krymsky. The conclusion that universe's actualization of human emerges as a result of his personal and, at the same time, the collective epistemological and moral activities formulated in this article. This fact must be taken into account in the formation of educational strategies.

Key words: social atomization, symbolic universe, legitimation, value-semantic universe of human, world, universe

Ціннісно-смісловий і символічний універсум у фокусі сучасних освітніх стратегій

Л. Богата

У статті висувається припущення про те, що «універсум» - це одна з категорій, що вимагає зараз пильної уваги. У тексті співвідносяться дві концепції, в яких універсум розглядається як ключове поняття. Перша концепція створена європейськими дослідниками П.Бергером і Т.Лукманом і пов'язана з вивченням діяльності людини в процесах конструювання символічного універсуму. Друга концепція – концепція С.Б.Кримського про ціннісно-смісловий універсум. Формулюється висновок про те, що

універсумна актуалізація людини виникає як наслідок його індивідуальної і, одночасно, колективної епістемологічної та моральної діяльності. Цей факт повинен враховуватися при формуванні освітніх стратегій.

Ключові терміни: соціальна атомізація, символічний універсум, легітимація, ціннісно-смісловий універсум людини, світ, універсум

Сложные трансформационные процессы, которые переживает не только современная Украина, но и весь мир, предполагают осуществления фундаментальных изменений в системе образования. Причем речь идет о таких изменениях, которые касались бы самых принципиальных основ, оказывающих очевидное влияние на формирование образовательных стратегий и тактик.

Одним из базовых образовательных принципов уже давно обозначен принцип индивидуализации обучения или иначе принцип индивидуального подхода. О практической реализации этого принципа написано достаточно много. Однако есть основания утверждать, что в нынешних условиях тема индивидуализации может обрести совершенно иное звучание, если ее попытаться рассмотреть в контексте новых социологических и гносеологических концептуальных установок.

В первую очередь, речь пойдет об идее «атомизации общества» (социальной атомизации). Сам термин впервые был введен Х.Аренд в ее уже ставшей знаменитой работе "Истоки тоталитаризма" (1951) [1].

С точки зрения современных социологов, к примеру, - французского леворадикального философа, социолога Андре Горца, социальная атомизация проявляется в том, что движения членов современного массового общества оказываются подобным хаотическим перемещениям частиц в термодинамике. Понятно, что подобная модель является достаточно упрощенной, особенно в ситуации становления сетевого общества, но, тем не менее, с ее помощью обнаруживается возможность нового взгляда на происходящие социокультурные изменения.

Социальная атомизация порождается целым рядом причин, одна из которых - существование тоталитарных режимов. Действительно, режимам, стремящимся к тотальному подавлению человека, важно изолировать членов общества друг от друга. При этом естественные социальные группы (семьи, роды) подменяются искусственно создаваемыми социальными образованиями (партийными ячейками, организациями различного образца). Схожие процессы обнаруживаются в различных тоталитарных системах [8].

Нарастанію соціальної атомізації сприяє також широке розповсюдження неоліберальних ідей, передбачаючих індивідуальну відповідальність кожного людини за свою власну життя, устремленість к всевозможным формам підприємництва, направленного, в конечном итоге, на економічне процвітання, підвищення рівня матеріального благополуччя.

Еще одним несомненным фактором, обуславливающим социальную атомизацию, следует признать улучшение бытовых условий жизни человека, которое возникает как итог внедрения различных технических новшеств. В современном мире для организации повседневной жизни уже нет необходимости в помощи других, каждый может справиться со своими ежедневными заботами самостоятельно, исчезает необходимость в больших семьях, основанных на взаимопомощи (отмеченные тенденции весьма ярко подчеркиваются, к примеру, в творчестве популярного современного французского писателя Мишеля Уэльбека («Возможность острова», «Карта и территория»).

Исследователи отмечают существование своеобразных «волн атомизации». Так, к примеру, российское общество, по мнению современного российского историка Вадима Дамье, испытало, как минимум две волны социальной атомизации [6]. Первая формировалась при большевистско-сталинистском режиме. Вторая связана с временами

перестройки, когда на всем постсоветском пространстве возникали новые рыночные экономические отношения, укоренявшие идеи личного обогащения и индивидуального процветания. Идеи коллективизма теряли свою привлекательность в условиях усиливающейся индивидуальной конкуренции.

Что же касается настоящего времени, то складывается ощущение, что можно говорить о начале очередной волны социальной атомизации, очень ярко обнаруживающейся в Украине, хотя вполне естественно предположить, что похожие процессы происходят и в других регионах мира. Эта волна связана, в первую очередь, с глубоким экономическим кризисом, в результате которого люди теряют работу, лишаясь, тем самым, одной из фундаментальных возможностей включения в жизнедеятельность социальных групп.

Острый политический, экономический кризис усиливает процессы атомизации в обществе. Действительно, в связи с тем, что многие украинцы по-разному оценивают происходящие в стране политические преобразования, возникают дополнительные противостояния внутри уже сформированных социальных групп. И для того, чтобы избежать острых конфликтов, связанных с взаимонепониманием, многие люди пытаются минимизировать информацию вовне о своих политических предпочтениях, замыкаясь в собственном *информационном коконе*, подсоединенном к тем или иным (иногда одновременно к нескольким) сетевым информационными сообществам.

Социальная атомизация становится вполне очевидной реальностью, требующей проведения специальных исследований (см. более подробно [5])

К примеру, возникает достаточно естественный вопрос: как будут вести себя на лекциях (да и в школах) те молодые люди, которые значительную часть своего времени тратят на то, чтобы с помощью интернета самостоятельно попытаться разобраться в происходящем? Понятно, что в ходе соответствующей деятельности накапливаются индивидуальные (личностные, персональные) смыслы, существование которых уже едва ли можно игнорировать в процессе преподавания. Более-менее гомогенная (с точки зрения обыденных смыслов) студенческая группа становится существенно гетерогенным образованием. И перед преподавателем актуализируется совершенно новая проблема, проблема выстраивания образовательных коммуникаций в существенно изменившихся условиях.

В этой проблеме можно выделить несколько обнаруживающихся проблемных лакун.

Первая связана со сложностями *экстериоризации* индивидуальных ценностно-смысловых накоплений в условиях традиционного способа передачи знаний, при котором главным оказывается сам передаваемый *информационный пакет*, в то время как *ценностно-смысловые* накопления тех, кому те или иные знания предназначаются, практически, не учитываются. В рамках *индивидуального подхода* чаще всего обращают внимание лишь на различие познавательных способностей студентов (учеников) и с учетом этого различия выстраивают образовательную коммуникацию.

Однако пренебрежение индивидуальными ценностно-смысловыми накоплениями ведет к достаточно очевидным психологическим напряжениям.

Действительно, если, к примеру, в 60-х, 80-х годах политические события в *большой советской стране* обсуждали в «кухонных сообществах», в которых можно было обрести некоторое *психологическое сопричастие*, то в нынешней ситуации «баррикады из шин» организуются даже внутри семей. Что же касается сетевых групп, то организация психологической поддержки с их помощью оказывается малоэффективной. Тепло человеческого понимания сложно поддается цифровой кодировке. И как итог социальная атомизация сопровождается сильными психологическими фрустрациями, обусловленными дефицитом непосредственного человеческого общения. И этот факт оказывается важным для организации эффективных образовательных процессов.

Вторая проблемная лакуна связана с тем, что даже если предположить возможность для обучаемых экстерииоризировать в процессе образования свои собственные ценностно-смысловые накопления, перед преподавателем возникает сверхсложная задача *одновременной соорганизации* множества ценностно-смысловых континуумов в едином образовательном поле. Подобная задача является существенно новой и для ее эффективного разрешения требуется проведение специальной подготовки преподавателей.

Цель данной публикации – выявление и анализ исследовательских подходов, которые могли бы способствовать, в первую очередь, развитию представлений об *индивидуальных ценностно-смысловых образованиях*. В этой связи предлагается проанализировать конструкты *легитимации* и *символического универсума*, развиваемые известными европейскими социологами П.Бергером и Т.Лукманом [2], рассмотреть представления С.Б.Крымского о *ценностно-смысловом универсуме* [7]. Соотнесение столь различных подходов оказывается возможным благодаря использованию представлений о *локальных пространствах смысла*, развиваемых автором в рамках формирующихся представлений о *многомерном мышлении* [4]. Соответствующие представления могут быть эффективны и для решения задач организации сложных многоканальных образовательных коммуникаций.

Символический универсум и практика легитимации

С учетом обозначенной выше цели в данной работе не предполагается проведение всестороннего рассмотрения концепции *социального конструкционизма*, впервые представленной П.Бергером и Т.Лукманом в знаменитой работе «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» [2]. Будут исследованы лишь два чрезвычайно важных для последующего анализа конструкта – *легитимация* и *символический универсум*.

Своеобразным эпиграфом к предстоящему рассмотрению могут стать слова Бергера/Лукмана о том, что *«все общества конструируются перед лицом хаоса»* [2, с.170], тем самым *хаос* постулируется неизбывным началом формирующегося общественного порядка. *Хаос* в концепции Бергера/Лукмана рассматривается как коррелят *бессмысленности*. Смысл сопрягается с порядком, причем порядком не только индивидуальной, но и социальной жизни: «как институциональному порядку, так и порядку индивидуальной биографии постоянно угрожает наличие реальностей, бессмысленных в терминах этих порядков» [2, с.170]. Социальной хаотизации, к примеру, способствует наличие «еретических групп общества» [2, с.177].

Легитимацию Бергер /Лукман толкуют как *смысловую объективацию «второго порядка»*: «легитимация создает новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже свойственны различным институциональным процессам» [2, с.152]. Тем самым главная особенность легитимации заключается в создании *новых значений*, выступающих в роли своеобразных *параметров порядка* для процессов самоорганизации сложной системы уже проявленных и институционально закрепленных смыслов.

Легитимация, по Бергеру/Лукману, осуществляется благодаря *«объяснению»* и *«оправданию»*. Рядоположение этих двух принципиально различных легитимирующих начал кажется чрезвычайно важным, ибо *объяснение* реализуется благодаря наличному, укорененному *знанию*, что же касается *оправдания*, то для его осуществления необходимо привлечение *морального закона*, сознательной актуализации ценностной системы, выступающей в качестве нормирующего основания. Анализ того, *что именно* становится *оправданным*, может косвенно способствовать прояснению этих ценностей.

Легитимация путем *объяснения* осуществляется как результат использования всевозможных интеллектуальных конструкций, объясняющих устройство мира. Так, к примеру, в архаическом мире в качестве основания для легитимации выступал миф [2, с.181]. Через миф в легитимирующие процедуры проникали *священные силы*: легитимировалось то, что совпадало с волей богов, соотносилось с поступками мифических

персонажей. Со временем мифологию заменяли (дополняли) всевозможные теологические конструкции. С начала же эпохи Просвещения картина мира все больше стала формироваться под влиянием науки, постепенно оттеснявшей на задний план все то, что не поддавалось рациональному объяснению. В итоге повседневная жизнь лишилась легитимации священного [2, с.154].

В своих концептуальных построениях Бергер и Лукман выделяли четыре уровня легитимации: *первый - дотеоретический* (обыденная легитимация), *второй – уровень зачаточной теоретической легитимации*. Легитимация *третьего уровня* требует обращения к теориям, принятым институциональным сектором. И, наконец, *четвертый уровень легитимации* составляют *символические универсумы*, являющие собой «системы теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности» [2, с.158].

Символический универсум обеспечивает четвертый уровень легитимации, являя собой чрезвычайно интересный концептуальный конструкт, позволяющий прояснить особенности функционирования *индивидуальных ценностно-смысловых накоплений*.

Символический универсум рассматривается Бергером и Лукманом как образование теоретическое, возникающее в результате специальной рефлексии. Это первая объективация теоретического мышления. Что же касается возможностей теоретизирования по поводу самого *символического универсума*, то это уже, по выражению авторов, «теоретизирование в квадрате». При этом в символическом универсуме можно и просто жить (без всякого теоретизирования), легитимируя тот или иной институциональный порядок.

С точки зрения авторов, символические универсумы являются *самоподдерживающимися* образованиями. При этом каждый универсум принципиально проблематичен, что и способствует его развитию. Символический универсум подвергается давлению со стороны альтернативных (*еретических*) универсумов, которые рассматриваются, с одной стороны, как «низшие» по сравнению с существующим, с другой – как «угрожающие», «еретические». Еретические вызовы (ереси) стимулируют процессы теоретических переосмыслений. Именно эти переосмысления и ведут к реальным изменениям.

С точки зрения Бергера/Лукмана символические универсумы представлены социально-историческими продуктами, формирующими некую матрицу «всех социально объективированных и субъективно реальных значений» [2, с.159]. Благодаря этой матрице осуществляется классификация различных феноменов с помощью категорий иерархии бытия, происходит формирование и нормирование социальной сферы. Социально-историческое развитие символических универсумов реализуется специальными концептуальными механизмами, направленными на отражение (нейтрализацию) вызовов, брошенных еретическими группами общества [2, с.77].

Для исследования взаимодействия символических универсумов Бергер и Лукман предлагают рассмотреть два механизма «*концептуальной машинерии*»: *терапию* и *отрицание* [2, с.185]. Терапия имеет дело со всевозможными девиациями от тех или иных символических образований. Терапия осуществляется благодаря выявлению так называемых *диагностических понятий* [2, с.186], позволяющих прояснить те или иные зависимости. С помощью диагностических понятий возможно обнаружение и того, что отрицается.

Важным моментом, в концепции Бергера/Лукмана является то, что в конституировании символического универсума ключевая роль отводится **человеку**, *конструирующему* мир. Бергер и Лукман пишут: «Источники символического универсума коренятся в конституции человека. Если человек в обществе – конструктор мира, то это возможно благодаря его конституционно данной открытости миру, которая уже содержит конфликт между порядком и хаосом» [2, с.171]. Таким образом, символический универсум оказывается *человекомерным*.

С одной стороны, Бергер и Лукман мыслят символический универсум как некий *интегральный* социокультурный объект. С другой – индивидуальный человеческий опыт смыслопорождения при этом не нивелируется, «способность к наделению смыслом дает индивиду возможность так далеко выйти за пределы социальной жизни, что он может найти себе место в символическом универсуме, даже в своем крайне уединенном существовании» [2, с.159]. «Интегральность» и «индивидуальность» в этом концептуальном построении сосуществуют.

Ценностно-смысловой универсум

Развиваемые Бегрегом и Лукманом идеи чрезвычайно интересно соотнести с близкими представлениями С.Б.Крымского о *ценностно-смысловом универсуме*.

Статья «Ценностно-смысловой универсум человека» включена в сборник «Экспликации философских смыслов», который был опубликован Крымским в 2006 году. Этот текст отделен во времени от знаменитой работы Бергера/Лукмана ровно на сорок лет. Европейские социологи размышляют о *символическом универсуме*, украинский философ – о *ценностно-смысловом универсуме человека*. Даже первый терминологический взгляд обнаруживает некие общие моменты и, одновременно, *расхождения*.

В самом начале своего текста Крымский говорит о том, что очень тихо и незаметно, фактически, на «голубиных ножках» (как сказал М.Хайдеггер), в жизнь входит то, что может принципиально этот мир изменить. Речь идет о «гуманитарной революции». С точки зрения Крымского, эта революция связана с «исчерпание возможностей методологоцентризма». При этом на первый план выдвигается стремление человека к *жизнеосмыслению*, к *смыслотворчеству*. Первостепенным оказывается *персоноцентризм* [7, с.26] (эти идеи в определенной мере коррелируют с представлениями о социальной атомизации).

В своем критическом отношении к *методологоцентризму* размышления Крымского созвучны декларациям многих представителей французского постструктурализма по поводу *а-методологизма*, в первую очередь соответствующим позициям М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Деррида. Эти позиции фактически знаменовали новый этап развития философии, в ходе которого *экзистенция*, *становление*, *процессуальность* предстали новыми объектами исследовательского внимания. *Методоцентризм* сменился своеобразным *процессоцентризмом*.

У Крымского же разрушение методологоцентризма связывается с другой причиной. Он отмечает, что «методологоцентризм питает...картезианская вера во всеислие рационального критического дискурса» [7, с. 26]. В новых же условиях, по мнению автора, на первый план выходит *персона*, приоритетными становятся темы *жизненных смыслов*, *ценностей*. Если использовать в некотором роде «вульгарную» философскую лексику (ибо сведение живой философии к тем или иным направлениям всегда является операцией огрубляющей), то Крымский предлагает своеобразное смешение *экзистенциализма* с *персонализмом*. Ключевым в таком подходе становится новый философский конструкт, именуемый украинским философом – *ценностно-смысловой универсум (ЦСУ)*.

По Крымскому, *ценностно-смысловой универсум* «включает три подсистемы: 1) *природу* в ракурсе ее информационных возможностей, выраженных в *ноосфере*; 2) *цивилизацию* в ракурсе ее культурных потенций и практических реализаций; 3) *монадное бытие* в ракурсе ценностно-смысловой деятельности индивидуального социума (этнуса или личности)» [7, с.31]. Уже приведенного фрагмента достаточно для того, чтобы заметить, что *символический универсум* Бергера/Лукмана и *ценностно-смысловой универсум* Крымского отличаются весьма существенно и в этом отличии явно обнаруживаются **принципиально** различные *исследовательские установки*.

У Крымского ЦСУ не мыслится вне *природы*: «сам ЦСУ – результат содружества природы и человека, продукт совместной эволюции планеты и цивилизации» [7, с.35]. Очевидно, что в заявленной позиции совершенно очевидно влияние и *ноосферных идей* В.И.Вернадского, рассуждений П.Флоренского о *пневмосфере*, и идей русских

космистов. Кроме того, Крымский говорит не о *символическом* порядке, а о порядке *этическом*. Этот порядок устанавливается в результате предметной деятельности человека, «которая реализует в системе цивилизации ноосферный ответ на космический запрос разума» [7, с.31]. Человек в своих поисках этического порядка сонастраивается не только с *природой*, но и с *космосом*, становясь вначале *гео-*, а затем и – *гео-космо-*мерным. Человек уже не только своей конституцией (по Бергеру/Лукману) предопределяет символический универсум, включая его в формирующуюся *человекомерную* систему, но сонастраивается с планетарными и космическими ритмами. Символический универсум обретет *человеко-гео-космо-мерность* (см. подробнее [3, с.164-165]).

Более детальные исследования представлений С.Б.Крымского о ЦСУ позволяют обнаружить и достаточно много общих моментов, связывающих представления о ЦСУ с представлениями о символическом универсуме Бергера/Лукмана. Так, к примеру, Крымский утверждает, что «ЦСУ заявляет о себе через некоторые модели Универсума. История человечества свидетельствует о том, что «модели ЦСУ задаются в широком диапазоне вариантов от интегральных картин сущего до индивидуальных представлений» [7, с.31]. Отмеченное весьма очевидно коррелирует с представлениями об уровнях легитимации, описываемых Бергером/Лукманом. Кроме того, ЦСУ Крымского является собой некий «*круг оседлости*» *сущего* и ставит «радикальный вопрос – об иной природе бытия за пределами ЦСУ» [7, с. 33]. Символический универсум Бергера/Лукмана также указывает на некую *иную реальность*. Это указание на иное осуществляется благодаря *символам* («символические процессы - это процессы сигнификации (обозначения), имеющие отношение к реальностям, отличным от реальностей повседневной жизни») [2, с.158].

По Бергеру/Лукману легитимирующая деятельность человека направляет непрерывные процессы конструирования/переконструирования символического универсума, при этом человек постоянно балансирует на границе между *порядком* и *хаосом*. У Крымского человек граничит с *бездной*, и именно на этой линии экзистенциального раздела осуществляется «некая альтернативность между актуальностью наличного бытия и увеличивающейся массой новых возможностей» [7, с.35]. *Хаос* и *бездна* предстают неизбывными спутниками человека, спутниками, вглядывание в лик которых появляется возможность смыслового, сущностного переустройства.

Рядоположение двух предствленных концептуальных построений актуализирует целый ряд вопросов. Один из них связан с прояснением причины, по которой в обеих концепциях речь идет об *универсуме*. Действительно, почему человек Бергера/Лукмана конституирует не *символический мир*, а *символический универсум*? И почему у Крымского человек рассматривается как творец *ценностно-смыслового универсума*? Случайны ли настойчивые обращения к термину *универсум* или за попытками актуализации этого конструкта просматривается стремление к приоткрытию новых гносеологических горизонтов?

Поиски ответа на данный вопрос еще раз направляют внимание к теме *социальной атомизации*, о которой прямым образом не говорят ни Бергер/Лукман, ни Крымский. Однако Бергер/Лукман рассуждают о *социальной плюральности*: «большинство современных обществ являются плюралистическими. Это означает, что в них есть некий центральный универсум, считающийся само собой разумеющимся в качестве такового, и различные частные универсумы, сосуществующие друг с другом и находящиеся в состоянии взаимного приспособления» [2, с.204]. Приведенный фрагмент позволяет заключить, что для немецких социологов *символический универсум* видится неким вместилищем, своеобразным фоном, на котором разворачивается бытие универсумов *частных*. Конечно же, при этом актуализируется еще один вопрос: не правильнее ли тогда *частные универсумы* именовать *частными мирами*? Тогда обнаруживаемая *плюральность* оборачивается проявлением множественности *миров*. Однако, быть может, использование представление о *частных универсумах* является принципиальным?

Крымский, к примеру, тоже говорит о деятельности *индивидуализированного социума* [7, с.31]. На первый взгляд, повторяется та же неясность, что и у Бергера/Лукмана. Что значит *индивидуализированный социум* (в случае Бергера/Лукмана – что значит *частный универсум*?) Совершенно понятно, что это не *до-социальный, индивидуальный мир*, а мир, который возникает как результат *индивидуальной* социальной включенности, это некая ассимиляция *социального индивидуальным*. У Бергера/Лукмана «переваривание» социального происходит в результате серии актов *легитимации*: «легитимация есть ... процесс «объяснения» и оправдания» [7, с.154]. У Крымского этический порядок устанавливается как следствие *монадного бытия* [7, с. 31].

Отмеченное достаточно естественно ведет к мысли о том, что *социальная атомизация* вовсе не являет собой некий «регресс социального», в результате которого *социальное целое* распадается до «социальных (индивидуализированных) атомов». Ведь каждый подобный атом теперь содержит в себе *ассимилированное социальное*. Крымский подобные единичности называет *индивидуализированным социумом*, Бергер-Лукман – *частными универсумами*. Вполне возможно, что одна из причин гуманитарной революции, предчувствуемой Крымским, и заключается в *универсуализации индивидуального*. Старая *механическая* схема, согласно которой универсум предстает механическим объединением отдельных миров, требует новых уточнений. Каждый *мир* обретает «универсумную развертку»: человек это уже не просто *индивидуальность*, а *индивидуализированный социум*, при этом социум формируется не только в результате человеческих, культурных сонастроек, но еще и как результат сонастройки с *природой, космосом*.

На этом этапе рассуждений вполне естественно возникает мысль о *коммуникативном субъекте*. Соответствующие представления последние годы активно развиваются В.И.Аршиновым. *Коммуникативный субъект* – это субъект, глубинно интегрированный в свое окружение, формирующий окружающий *мир-универсум*, который, в свою очередь, оказывают обратное воздействие, в результате чего и формируется некое неразрывное единство. *Коммуникативный субъект* во многом и есть *индивидуализированный социум*, в котором сложно переплетаются социальное и индивидуальное.

Проблема поиска фокусов новых образовательных стратегий

Многочисленные вызовы современного мира настойчиво требуют фундаментальных перемен, которые едва ли возможны без *принципиальных* изменений в системе образования. Традиционно разговорами о *реформировании образования* обязательно приправляются различные «пакеты документов», фиксирующие намерения о глобальных социально-экономических трансформациях. Каждый, из читающих эти строки, на своем веку пережил не одну кампанию по внедрению образовательных новаций. Однако полученный в результате подобных внедрений опыт настойчиво актуализирует тревожный вопрос: почему чаянные и широко обсуждаемые реформы принесли так мало реальных изменений? Конечно же, можно начать рассуждения об инертности бюрократической машины, не позволяющей быстро и эффективно исполнять задуманное. В связи с этим понятна необходимость первоначального реформирования самой машины. Однако нет ли других «препятствий» у образовательных реформ?

Видится, что еще одно и, пожалуй, самое фундаментальное торможение связано с недостаточным уяснением самого «образа», который необходимо «прививать» новому поколению. Ведь термин «образование» предполагает необходимость «*подведения под образ*». Но этот образ не является статичным, раз и навсегда заданным. Он складывается из множества «*параметров порядка*», которые важно «углядеть» и, тем самым, *соорганизовать* (в этом, вероятно, и заключается возможности практического применения наработок, сложившихся в рамках различных подходов к изучению *сложного*).

Новый «образ» нельзя выдумать, постулировать, сконструировать. Его можно только *обнаружить, выявить* и научиться действовать в соответствии с *выявленным*.

Выявляемое призвано становиться своеобразным **фокусом** для *корректировки* существующих тактик и стратегий *образования*. Сложность обозначенной задачи заключается в том, что она требует тесного, тщательно скоординированного взаимодействия *исследователей* и *практиков*. В противном случае действия практиков – малоэффективны, а результатам исследований грозит устаревание без переживания фазы «продуктивного плодоношения».

Сама формулировка проблемы как «*поиск фокусов современных образовательных стратегий*» свидетельствует о том, что подобных фокусов может быть множество, и в своей совокупности они, как своеобразные «*параметры порядка*», задают тенденции текущего социокультурного развития. Обнаружение, фиксация внимания на этих параметрах призвана способствовать прояснению того, в каком, или лучше – в каких направлениях реформирования, в первую очередь, необходима концентрация усилий. Эта *фокусировка* может осуществляться специалистами тех или иных предметных областей в ходе анализа результатов текущих исследований.

В рамках данной публикации и была поставлена цель заострения внимания на проблеме *универсумного развертывания человека*, на прояснении некоторых особенностей его *универсумного становления*.

Подводя итоги всему отмеченному выше, можно сделать следующее заключение.

1. Любые образовательные реформы требуют выявления и понимания **актуального образа человека** и только на основании этого понимания возможно выстраивание последующих тактических и стратегических действий в сфере образования. Тесное взаимодействие исследователей и практиков становится неременным условием успешного переживания быстроизменяющейся действительности.

Актуальный образ современного человека *не конструируется*, а **выявляется**, формируется в результате исследования соорганизации обнаруживающихся «*параметров порядка*». Выявление этих параметров и видится важнейшей исследовательской задачей, успешное разрешение которой призвано стимулировать последующие практические действия в сфере образования.

2. Отличительной особенностью складывающегося социокультурного фона с большой вероятностью следует признать усиление процессов *социальной атомизации*, которую, в самых общих чертах, можно представить как своеобразное «*капсулирование*» индивидуальных жизненных миров при их одновременном расширении и углублении. В условиях современной действительности человек обретает все возможности для всестороннего развития *своего собственного* мира, отличного от мира других. Он обживает и осмысляет это мировое образование. Тем самым, с одной стороны, индивидуальные миры развиваются, с другой, усиливаются процессы отталкивания (вытеснения) других жизненных миров, социальных мировых образований, что и становится основанием для усиления социальной атомизации.

3. Социальная атомизация сопровождается процессами *универсумного развертывания* современного человека. Человек, доселе привыкший формировать *мир*, собственное **мировое жизненное пространство**, сталкивается с необходимостью освоения того, что маркируется, на первый взгляд, достаточно знакомым и привычным словом **универсум**. Не ставя фундаментальной и несвоевременной пока задачи установления различий *мирового* и *универсумного* способов организации действительности, достаточно эффективным может быть продвижение по пути изучения обнаруживающихся исследовательских практик, в которых используются представления об *универсуме*. В этой связи и привлекают внимание размышления П.Бергера и Т.Лукмана о *легитимирующей деятельности человека в символическом универсуме* и представления С.Б.Крымского о **ценностно-смысловом универсуме**.

4. Символический универсум, по Бергеру/Лукману предстает хранителем институционального порядка и организован как некая символическая целостность,

противостоящая процессам социальной хаотизации. Этот символический порядок не **универсален**, а *индивидуален* и устанавливается в результате *легитимирующей деятельности человека*, которая, по Бергеру/Лукману предстает результатом *смысловой объективации второго порядка*, направленной на создание новых значений (параметров порядка). Легитимация осуществляется в ходе *объяснения и оправдания*. Тем самым символический универсум предстает одновременно результатом *теоретической и моральной рефлексии*. Источник, формирующий символический универсум, коренится в *конституции* самого человека, и поэтому этот универсум *человекоразмерен*.

Символические универсумы существуют как некое множество, они взаимодействуют, конкурируют друг с другом. В качестве механизмов взаимодействия П. Бергер и Т. Лукман рассматривают *терапию* и *отрицание*.

Универсумная развертка человека, с точки зрения немецких исследователей могла бы означать конструирование **символического непрерывно изменяющегося механизма** противостояния хаосу в ходе теоретико-моральной рефлексии окружающего мира.

5. Ценностно-смысловой универсум С.Б.Крымского – *триадичен*. Он включает в себя три подсистемы: *природу, цивилизацию, монадное бытие*. Именно это утверждение обнаруживает отличие принципиальных установок украинского философа и европейских исследователей. Символический универсум Бергера/Лукмана конструируется *знающим, моральным* человеком (как видно, эта исследовательская позиция вполне соответствует философии И.Канта). Что же касается философских интенций Крымского, то в них прослеживается уже влияние систем Б.Спинозы и Г.Гегеля. *Универсумный человек* Крымского ищет **гео-космо-мерный порядок**. Его ценностно-смысловой универсум являет собой некий *«круг оседлости» сущего* и ставит радикальный вопрос об *иной природе бытия за пределами этого универсума*. Таким образом, едва проявляющаяся *универсумная развертка* уже почти готова *сама себя превзойти*. Однако для понимания этого «пока неименованного» фактов явно недостает.

6. Соотнесение позиций – Бергера/Лукмана, с одной стороны, и С.Б.Крымского – с другой, позволяет заключить следующее. Универсумный уровень проявления человека не может быть *задан извне*. Он формируется в результате индивидуальной и, одновременно, коллективной *эпистемологической и моральной* деятельности. Любое знание подвергается *критической (легитимирующей)* проверке. На символический уровень выносятся только то, что прошло «сито» тщательного отбора. И этот результат – *непрерывно меняющийся символический универсум* – также важен для практиков образования, как и существующая научная картина мира. Способности человека, связанные с его готовностью к *«моральному распознаванию»*, никак не менее значимы, нежели его когнитивные умения и навыки.

Тихо, почти «на голубиных ножках» (если опять проэксплуатировать метафору М.Хайдеггера), в нашу жизнь входит **универсум**, который при этом оказывается не чем-то *извне заданным, кем-то привнесенным*. Он создается самим человеком, **человеком коллективным, космо-гео-мерным** [3], обретающим свою новую глобальную связность. Складывается впечатление, что фантазии Д.Свифта о *Гулливере* обретают реальность. При этом каждый может быть одновременно и *маленьким человеком* (человеком – «мировым») и *Гулливером* (человеком «универсумным»). Современные исследователи, в отличие от Свифта, размышляют о *коллективном, сетевом, коммуникативном... субъекте* и, вероятно, все эти вспомогательные имена позволяют углубить понимание особенностей и возможностей нового существования. Человек обретает еще один статус, который присваивается только тому, кто может существовать как *единое целое с другими*, для кого *социальная атомизация* дополняется обретениями *универсумной целостности*. И совершенно очевидно, что для формирования такого человека необходимо принципиальное изменение существующих образовательных технологий, продумывание новых образовательных стратегий.

Список использованной литературы

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И. В. и др.; послесл. Давыдова Ю. Н.; под ред. Ковалевой М. С., Носова Д. М. – М.: ЦентрКом, 1996. – 632 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Богатая Л.Н. Проблематизация темы мышления // Философия мышления : [сборник статей] / ред.кол. Л.Н.Богатая, И.С. Добронравова, Ф.В.Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – С.163-195.
4. Богатая Л.Н. На пути к многомерному мышлению: Монография – О.: Печатный дом, 2010. – 372 с.
5. Богатый Ю.В. Маргинальность в ситуации социальной атомизации / Міжнародна наукова конференція "Дні науки філософського факультету – 2014", 15–16 квіт. 2014 р. : [матеріали доповідей та виступів] / редкол.: А. Є. Конверський [та ін.]. – К. : Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет", 2014. – Ч. 5. – С.11-13.
6. Дамье В. Атомизация общества и социальная самоорганизация: Российский контекст // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение / Под. ред. Д. Чуракова. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – С. 73-82.
7. Крымский С. Экспликация философских смыслов. Изд. Допол. – м,: Идея-Пресс, 2006. – 240 с.
8. Новиков А.С. Атомизация общества и её роль в становлении «общества масс» // Теория и история. – 2009. – № 2. – С. 193.